

дон выражает недовольство вмешательством в его дела Зевса, которому он равен по власти и могуществу.

Исследование древнегреческих эписких прилагательных с префиксом *ὑπερ-* не только подтверждает общую закономерность человеческого мышления — формирование отвлеченных, нравственных понятий из вполне конкретных, физических представлений, но и показывает, как первоначально положительные оценки переходят в свою противоположность. В самом деле, все рассмотренные здесь прилагательные (и родственные им части речи) в своем первоначальном значении характеризуют огромную физическую силу, мощь, которой те или иные боги и герои превосходят обычных смертных, причем это обстоятельство нисколько не служит к их порицанию и не может быть поставлено им в вину. Напротив, *ὑπέρβιος*, *ὑπερφανός*, *ὑπερφιάλος*, *ὑπερόπλος* вплоть до середины V в. сохраняют в целом ряде случаев положительное значение. Употребление же разобранных прилагательных в отрицательном смысле возникает из совершенно определенной ситуации, когда применение силы нарушает моральные нормы «героической» эпохи и потому вызывает осуждение. Следовательно, древнегреческий эпос надо оценивать с конкретно-исторических позиций и не пытаться вносить в него нравственную проблематику, возникающую только в более позднюю эпоху и несовместимую с идеалами героического сказания.

ON THE MEANING OF EPIC ADJECTIVES WITH PREFIX *ὑπερ-*

by V. N. Jarkho

One of the reasons for the frequent modernization of moral problems in studies of early Greek literature is the ambiguous, inaccurate and at times even downright faulty explanation of a number of words, which throughout the archaic period carried nothing but a concrete meaning, being absolutely devoid of any ethical colouring whatsoever. This is also true of the adjectives with the prefix *ὑπερ-* (and two adjectivized participles). In five out of the eleven adjectives that form this group the prefix *ὑπερ-* clearly retains its principal function, i. e. it serves to indicate a high degree of a certain property or quality *ὑπερχής*, *ὑπερχόδας*, *ὑπερμενής*, *ὑπέροχος*, *ὑπερδεής*. As to the other six (*ὑπέρθυμος*, *ὑπέρβιος*, *ὑπερηνόρεων*, *ὑπερηφανέων*, *ὑπερφιάλος*, *ὑπέροπλος*), according to various dictionaries they are of a purely pejorative nature, i. e. they correspond to the following: *overweening*, *arrogant wanton*. This pejorative meaning indicated by the dictionaries is, however, neither the original meaning of these adjectives, nor that the most frequently observed. They are basically used to signify the physical power of gods or heroes, superior to others, which in the eyes of an epic poet was not something vicious. The pejorative meaning was not inherent in the adjectives, adverbs or participles as such; it either arises from the context (e. g. *ὑπέρβιος ὕβρις*, Od. 1, 368; 4, 321; *ὑπέρβιον δαρδύπτουσιν*, φθινύθουσιν, Od. 14, 92 and 95; 16, 315; *κακῶς ὑπερηνόροντες*, Od. 2, 266; 4, 766,— cf. the same *ὑπέρβιος* and *ὑπερηνόρεων* in a neutral or favourable meaning; Hes., Op. 692; Pind., Ol. 10, 15; fr. 140a, 54; Bacch. 3, 37; Il. 13, 258), or is felt only in instances when a hero's superiority is achieved not by his strength, but by perfidy (Il. 4, 176; 13, 621; 21, 224), or if the hero's power is directed against some unworthy object (Od. 1, 134; 2, 324; 15, 12; 17, 482; 20, 375 etc.).

ПУБЛИКАЦИИ

Н. А. Померанцева

ДВЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ МОДЕЛИ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ им. А. С. ПУШКИНА

ДВЕ публикуемые здесь скульптурные головки из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (инв. № 4120 и 4121; нильский ил; высота 10,5 и 8,5 см) до сих пор не были изданы, если не считать краткого упоминания о них в статье Т. Н. Бороздиной¹.

Обе головки ГМИИ отмечены поразительным сходством черт лица, манеры и стиля исполнения. Голова имеет яйцевидную форму; лицо — слегка удлинненное, с мягким овалом щек и округлостью подбородка. Голова № 4120 отделана более тщательно, детали лица проработаны контрастнее. Головной убор не закончен, а лишь пройден в общих чертах. Выпуклое глазное яблоко передано объемно, брови, обведенные рельефным ободком, намечены слегка, линия век выступающим контуром обрамляет глаза. Уши совсем не проработаны, конец носа стерт. Губы слабо моделированы, но традиционная улыбка заметна достаточно отчетливо, уголки губ лежат на разном уровне. Переносица очень тонкая, благодаря чему создается резкая затененность глазных впадин, а сами глаза выглядят более выпуклыми. Поверхность лица моделирована в самых общих чертах, чуть заметна выпуклость скул и понижение объема к глазным впадинам. Нос имеет небольшое расширение книзу (подобная же форма носа и у головки Бруклинского музея). Что касается склада лица, то можно отметить в нем полное отсутствие эллинских элементов — весь облик выявляет чисто египетские черты и дает все основания говорить об исполнении обеих головок местным мастером.

Другая головка — № 4121 — аналогична первой по приемам исполнения, но сделана грубее и менее закончена. Форма головы несколько круглее, поверхность лица проработана вяло, хотя тот же светотеневой прием применен и здесь. Рот более растянутый, губы шире, кончик носа расширяется книзу. Прорабатывая детали, мастер сосредоточивает внимание на тех же элементах, что и в предыдущем памятнике. Пропорции лица выдержаны в принятых канонизированных соотношениях, характерных для древнеегипетской пластики.

¹ Т. Н. Бороздина, Скульптурные модели Музея изящных искусств при Московском университете, «Сборник „Московского Меркурия“ по истории литературы и искусства», вып. 1, М., 1917.

Публикуемые головки могут быть отнесены к группе так называемых скульптурных моделей, еще не исследованных всесторонне. Впервые так называемые скульптурные модели (собрания Каирского музея) были должным образом изучены и опубликованы в классическом труде С. Эдгара². В последующих трудах скульптурным моделям отводилось уже

Рис. 1. Скульптурная модель. ГМИИ, № 4120, высота 10,5 см, нильский ил

Рис. 2. Скульптурная модель. ГМИИ, № 4121, высота 8,5 см, нильский пл

определенное место. В советской науке эта группа памятников и связанные с ней проблемы были освещены в работах В. В. Павлова³.

Понятие и термин скульптурной модели, как его обычно употребляют египтологи, обнимает собою широкий круг памятников, объясняющих нам процесс и приемы работы египетских мастеров и шире — творческий метод египетских художников. Подавляющее большинство скульптурных моделей относится к I тыс до н. э. — эпохе, когда местные художественные традиции вошли в соприкосновение с греко-римской культурой. Мастера, создававшие модели, следовали традициям «классического» Египта с целью сохранения чистоты канонизированных типов изображения.

Модели позднего времени не портретны, в то время как памятники этой же группы Древнего царства представляли собой портретные образцы. К скульптурным моделям относят и так называемые «гизехские (резервные) головы». Условность трактовки формы моделей ГМИИ из нильского ила с первого взгляда напоминает «гизехские головы», хотя стиль исполнения памятников различен. Общность между ними наблюдается благодаря тому, что мастера позднего времени следовали традициям, восходящим к эпохе Древнего царства и продолжавшим существовать вплоть до птолемеевской эпохи. В моделях позднего времени ясно прослеживается отход от портретности в сторону идеализации образа.

«Скульптурные модели» подразделяются на несколько групп. Прежде

² C. C. Edgar, *Sculptor's Studies and Unfinished Works. Catalogue Général des Antiquités égyptiennes un Musée du Caire*, Caire, 1906.

³ В. В. Павлов, О скульптурных моделях в египетском искусстве, «Искусство», 1941, май-июнь, стр. 67—70; он же, Египетская скульптурная модель № 2141 из собрания ГМИИ, ВДИ, 1938, № 4, стр. 217—252.

всего нам известны модели в настоящем смысле слова, т. е. произведения, созданные как образцы, своего рода эталоны, помогавшие мастеру освоить канон. Далее, до нас дошло большое количество памятников, показывающих весь процесс работы мастера или ученика: например, памятники, где блок камня покрыт сеткой квадратов для соблюдения нужных пропорций, согласно канону⁴. Наконец, мы сталкиваемся с моделями, так сказать, вспомогательного назначения — гипсовыми масками, слепками отдельных частей фигуры: рук, стопы, торса и другими подобными моделями (они есть в собрании Гос. музея изобразительных искусств⁵).

К какой из групп этого рода памятников следует отнести издаваемые здесь две скульптурные головки? Остановимся предварительно на вопросе о материале.

Скульптурные модели, как правило, выполнялись из известняка — мягкого камня, легко поддающегося обработке. На известняке хорошо видны и вспомогательные линии сетки квадратов и другие подобного рода пометки. Издаваемые же головки сделаны из нильского ила. К этому материалу египетские мастера прибегали крайне редко.

В работе А. Лукаса⁶ об основных материалах и ремесленных производствах древнего Египта нет специального раздела, посвященного нильскому илу. Ему уделено лишь несколько строк в разделе «Строительные материалы». На основании собственных наблюдений над этим материалом можно сказать, что нильский ил содержит в большом количестве примеси глины, которая обеспечивает ему прочность и твердость при высыхании. Сухой ил спрессовывается настолько, что по нему можно работать металлическим инструментом. Ил не подлежал обжигу. Этот материал хорошо принимает цвет, так что отсутствие раскраски можно связывать со вспомогательным назначением подобных вещей. Обе головки ГМИИ не портретны и являются отработкой определенного типа изображения.

Применение масок из пластического материала известно было уже в Древнем царстве, когда они использовались в процессе работы над портретом, в позднюю эпоху они служили для передачи общетипологических черт. Такого рода модели вспомогательного назначения, по всей вероятности, после выполнения работы, уничтожались. Поэтому их дошло гораздо меньше, чем скульптурных моделей в другом материале и другого назначения, которые служили образцами, тщательно сохранялись и имелись в большом количестве в мастерских скульптуров. Так, при раскопках

Рис. 3. Голова богини Хатхор. Бруклинский музей, № 5378, высота 9,7 см, темный стеатит

⁴ В. В. Павлов, Египетская скульптура, М., 1949, табл. 61—66.

⁵ Там же, табл. 64—65.

⁶ А. Лукас, Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958.

некрополя в Саккаре Дж. А. Рейзнер обнаружил среди большого количества голов из известняка лишь несколько вещей, изготовленных из плотно спрессованного ила, — это голова с печатью Хефрена⁷ и женская головка, видимо, изображавшая принцессу Венесхет⁸, ныне находящаяся в Каирском музее.

Следует заметить, что лепка, как правило, в египетской пластике не применялась и головки из ила также прорабатывались с помощью режущих инструментов.

Стиль исполнения обеих моделей ГМИИ одинаков, причем в них угадывается пластический прототип, который мог быть выполнен в камне. Обе вещи относятся к эллинистическому периоду, что подтверждается условной трактовкой черт лица, непортретностью голов, резкой светотенью углубленных и выступающих частей, условной улыбкой со слегка приподнятыми уголками губ.

В эту эпоху широкое распространение получили типизированные изображения богов, иконография которых была канонизирована. Для сохранения чистоты традиционных типов изготовлялось большое количество скульптурных моделей. В египетском искусстве этого периода ощущается отход от произведений крупных форм и намечается тяготение к известной камерности. Такое направление сказалось прежде всего в более тщательной отделке поверхности статуэток и отдельных их элементов. Тщательную проработку деталей лица демонстрируют и не доведенные до завершения головки из собрания ГМИИ.

В эллинистическое время в большом количестве изготовлялись вотивные статуэтки, изображавшие наиболее чтимых богов и богинь древнеегипетского пантеона. Среди них чаще всего встречаются изображения Гора, Хатхор, Исиды, которым отводится основное место в сюжетных композициях храмов. Примером тому может служить храм богини Хатхор в Дендера. С его статуй делались уменьшенные реплики в виде маленьких статуэток, однако идентифицировать последние с их оригиналами не всегда представляется возможным. В этих репликах целый ряд деталей, весьма существенных для атрибуции памятников, либо отсутствует вовсе, либо видоизменяется: так, корона могла изображаться в виде условной прически, плотно, словно шлемом, облегающей голову. Подобного же типа прическу, лишенную какой бы то ни было детализации, мы видим на моделях ГМИИ. Близкая аналогия публикуемым головкам — голова из Бруклинского музея (инв. № 53—78, высота 9,7 см), которая представляет собой фрагмент вотивной статуэтки, изображающей богиню Хатхор⁹. В каталоге Бруклинского музея эта голова сопоставляется с изображением той же богини в рельефной композиции, где представлен Птолемей XIII, поклоняющийся четырем статуям богинь¹⁰. Сходство с головой из Бруклинского музея позволяет отнести обе модели ГМИИ к позднптолемеевскому периоду. Большинство статуй и статуэток, дошедших от этого времени, происходило из храмов и святилищ и было посвящено местным богам. Головы подобных изображений отличались идеализированными чертами, общими для большинства памятников той эпохи. Для них характерны удлиненный овал полного лица, короткая, широкая шея, пластическая линия губ, веки и брови, обведенные выступающим контуром, и узкая переносица. В собрании Бруклинского музея птолемеевский

⁷ W. S. Smith, *A History of Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom*, Boston — London, 2 ed., 1949, стр. 26, № 11.

⁸ Там же, стр. 26, № 16.

⁹ «The Brooklyn Museum. Five Years of Collecting Egyptian Art. 1951—1956», табл. 38, № 20.

¹⁰ A. Mariette, *Dendérah*, III, 1871, табл. 39.

период представлен большим количеством памятников, начиная от ранней эпохи и кончая поздней¹¹, что дает возможность стилистического сопоставления головок ГМИИ со скульптурой идеализированного направления, относящейся к эпохи поздних Птолемеев.

Несколько иное впечатление по сравнению с Бруклинской головой, приведенной в качестве аналогии моделям ГМИИ, объясняется тем, что последняя выполнена из темного стеатита. Во всех остальных отношениях: в характере моделировки поверхности, трактовке основных черт лица и даже в приемах обработки материала — сопоставляемые памятники обнаруживают большое сходство с Бруклинской головой. Прическа, плотно облегающая голову, передана одинаково (правда, на моделях из ГМИИ нет завершения в виде фигуры сокола, символизирующего собой бога Ра, имеющегося на памятнике Бруклинского музея). На одной из головок ГМИИ (№ 4120) верхний край прически слегка выступает, возможно, над ней должна была быть еще корона, исполнять которую на модели вспомогательного назначения не являлось обязательным.

Неровная линия губ головок ГМИИ (правый уголок рта расположен выше левого) показывает, что это были лишь рабочие модели, которые могли выполняться в более свободной манере, нежели образцы. Поскольку позы статуй были канонизированы, в моделях ограничивались изображением головы, передающей данный типологический образец.

Приемы исполнения обеих головок говорят о принадлежности их руке одного мастера. Не случайно, что и в том и в другом памятнике наблюдается одинаковая манера изображения рта: губы имеют искривленную линию, а уголки их расположены на разном уровне. В исполнении таких деталей, характерных именно для данных двух памятников и выходящих за пределы общестилистических приемов, ощущается единый почерк. Стиль исполнения обеих головок с условной неотделанной плоскостью тыльной стороны, тип лица с застывшими чертами позволяет связать их с традициями исполнения масок, которые в эпоху эллинизма служили не только художественным целям — они были копиями ритуальных статуэток и способствовали их широкому распространению.

TWO SCULPTURAL MODELS IN THE PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS

by N. A. Pomerantseva

The author discusses two hitherto unpublished items in the Pushkin Museum of Fine Arts collection: two small heads modelled in Nile mud, No. 4120 (height 10.5 cm.) and No. 4121 (8.5 cm.). Judging by the material used, the size of the heads, the absence of painted decoration, the form of the heads (the backs are only roughly worked), which is typical of Egyptian masks, the author takes both heads to be working models. Since Nile mud is a material rarely used for sculpture, the author considers its specific properties and plastic potentialities, having tested these by experimental modelling. The function of the heads as working models is also discussed. Though they were made in the Hellenistic period (their date in the reign of Ptolemy XIII is established by analogy with the head of Hathor in the Brooklyn Museum, № 53.78), the Pushkin Museum heads are stylistically in the tradition of Egyptian masks. The analogy with the Brooklyn Museum example also confirms the subsidiary function of the Pushkin Museum heads, which were used in making smaller copies of temple statues of the gods. Such copies, in the form of votive statuettes, were produced in large numbers because of the wide popularity in Hellenistic Egypt of the cult of the most revered deities in the ancient Egyptian pantheon.

¹¹ «The Brooklyn Museum. Five Years of Collecting Egyptian Art. 1951—1956», табл. 32, № 15; табл. 31, № 14; табл. 19; табл. 39, № 23.